

В Девятом районе издавна сложился негласный порядок: те, кто наверху, правят низами, а низы рано или поздно свергают верхушку. Как только весть о кадровых перестановках была опубликована, стало ясно — жребий брошен. Хань Цзян совершил непростительную ошибку, а Цэнь Сяо стал тем, кто выставил её на всеобщее обозрение.

Разумеется, далеко не каждый, кто разоблачает чужие грехи, имеет право занять освободившееся кресло. Но в данном случае это был именно Цэнь Сяо.

Несмотря на то, что процедура назначения была соблюдена до последней буквы закона, обитатели Девятого района не могли сдержать вздохов изумления. За долгие годы отряд «Призрачный глаз» впервые возглавил столь юный начальник.

Впрочем, в этом решении не было ничего абсурдного. Способности Цэнь Сяо, его происхождение и связи делали его идеальным кандидатом на эту роль. Ему даже не требовалось времени на адаптацию: в конце концов, он вырос в этой среде, впитывая её правила с самого детства.

В залитом светом кабинете начальника Хань Цзян уже заканчивал упаковывать свои вещи. От его былой решительности и властности не осталось и следа. Когда он склонился над коробкой, чтобы заклеить её скотчем, в глаза бросилась обильная седина на висках — казалось, за последние дни он постарел на десяток лет.

Солнечные лучи, проникая сквозь широкие окна, освещали каждый уголок комнаты, а работающий кондиционер отсекал зимнюю стужу, создавая в помещении иллюзию безмятежного покоя.

День выдался ясным, за окном искрился снег, а воздух был сухим и пронзительным — всё казалось таким же, как и всегда.

Мужчина замер, глядя в окно. Эти здания и монотонные улицы, на которые он смотрел десятилетиями, теперь навсегда перестали иметь к нему отношение. Он и не подозревал, что все эти мелочи, которые он прежде в грош не ставил, запечатлелись в его памяти так отчетливо, будто он мог назвать по имени каждую ветку на дереве.

Он больше никогда не взглянет на мир из этого кабинета.

В тот миг, когда он лишился должности, Хань Цзян подумывал о сопротивлении. В его голове проносились разные мысли, самые безумные из которых граничили с желанием стереть Цэнь Сяо с лица земли.

Но когда он увидел улики, представленные Цзян Чжэн, всякая воля к борьбе покинула его.

У него не осталось пространства для маневра. Доказательства были неопровержимы: пользуясь служебным положением, он годами угнетал невинную студентку и незащищенную женщину-администратора. Он заставил их больше десяти лет жить в страхе и боли, вынудив платить цену, которую им придется отдавать до конца своих дней.

Любое его сопротивление стало бы осквернением устоев Девятого района и оскорблением для «Призрачного глаза».

Если бы его место не занял Цэнь Сяо, это сделал бы кто-то другой.

И всё же ему хотелось закончить это хоть сколько-нибудь достойно.

— Жаль расставаться?

Цэнь Сяо стоял в дверях, прислонившись к косяку. Он проследил за взглядом бывшего начальника. И хотя пейзаж за окном не отличался изысканностью, вид сверкающих снежинок заметно поднял ему настроение.

— Цэнь Сяо... я недооценил тебя, — Хань Цзян выпрямился, придерживая рукой ноющую поясницу, и тяжело вздохнул.

Он действительно недооценил своего преемника во многом. Например, он и представить не мог, что новый начальник сумеет раскопать дело десятилетней давности и выйти на Цзян Чжэн.

Он не ожидал, что родители девушки пойдут на нарушение протокола, тайно сделают ей аборт и сохранят эмбрион в качестве доказательства.

Но больше всего его поразило то, на что Цэнь Сяо оказался готов пойти ради дела Ли Цинли.

Хань Цзян не был настолько наивным, чтобы поверить, будто юноша внезапно преисполнился сострадания к Цзян Чжэн или оклеветанной Сюй Танхуэй.

Всё, что делал Цэнь Сяо, преследовало лишь одну цель: отомстить за Ли Жуна.

Отомстить Девятому району за то, что тот прикинулся глухим и немым, не желая восстановить доброе имя семьи Ли.

Отомстить лично Хань Цзяну за сговор с Лю Таньчжи и манипуляцию общественным мнением, когда те пытались добить Ли Жуна.

Бывший глава опасался Цэнь Сяо, давил на него, намеренно продвигал его конкурентов, но в итоге потерпел крах.

Правила Девятого района суровы: место под солнцем занимает сильнейший, а проигравший уходит в тень. Хань Цзяну следовало бы промолчать — в конце концов, когда он сам заступал на пост, он не любил выслушивать жалобы своего предшественника.

Но оказавшись в этой шкуре, он понял, что его раздражает от желания выговориться, выплеснуть всё, что накопилось. Он превратился в того самого человека, который когда-то вызывал у него лишь раздражение.

— Все говорят, что Ли Жун переметнулся в Группу «Высокая башня», а вы с ним в пух и прах разругались. Я никогда в это не верил. На самом деле вы просто разыгрывали спектакль перед исследовательским институтом «Хунсо» и своими врагами.

Хань Цзян обернулся и впился взглядом в собеседника. Его взор всё еще был острым, но в нем уже не чувствовалось былой уверенности.

Цэнь Сяо не подтверждал и не отрицал его слов, но и взгляда не отводил. Он, как и прежний Хань Цзян, не испытывал ни малейшего желания слушать причитания неудачника.

Но тот продолжал, словно не замечая холодности:

— Но я не понимаю одного: к чему такая спешка? Держа меня на крючке, ты мог сместить меня в любой момент, но сейчас — худшее время для перестановок. Ты слишком молод. В Девятом районе полно тех, кто тебя не признает. Твои старшие коллеги и соперники только и ждут момента, чтобы вцепиться тебе в горло. Ты окружен хищниками. Хватит ли у тебя сил нести ответственность за весь отряд?

Цэнь Сяо коротко рассмеялся, в его голосе прозвучало небрежное безразличие:

— Ты печешься обо мне больше, чем мой собственный отец.

Цэнь Цин и впрямь говорил ему нечто подобное, но Цэнь Сяо было плевать.

Хань Цзян прищурился:

— Только не говори мне, что ты заварил всё это лишь потому, что я позволил Лю Таньчжи напасть на Ли Жуна.

Улыбка Цэнь Сяо медленно угасла, в его глазах блеснул лед.

— Именно поэтому я это и сделал.

Хань Цзян на мгновение оцепенел, а затем разразился неестественным смехом, в котором смешались ненависть и разочарование.

— Лю Таньчжи использовала медиа-ресурсы, чтобы укунить его, но вы ведь и так контролировали ситуацию! Этот вброс не нанес Ли Жуну никакого вреда. Как же я в тебе разочарован... Я думал, ты достойный противник, а ты оказался всего лишь горячей головой, марионеткой в чужих руках!

Он не знал истинной природы отношений между ними. Он решил, что Ли Жун использовал дружбу как наживку, превратив Цэнь Сяо в послушный клинок для своей мести.

Тот не поддался на провокацию. Напротив, он усмехнулся в ответ:

— А разве ты сам не стал инструментом в руках Чжан Чжаохэ?

Пока Хань Цзян препирался с Цзян Чжэн, Цэнь Сяо уже восстановил всю картину событий четырнадцатилетней давности.

В ту ночь в лаборатории, помимо юной пары — Хань Ина и Цзян Чжэн, а также администратора Сюй Танхуэй, присутствовал еще один человек. Тот, чьи мотивы до поры до времени оставались в тени — Чжан Чжаохэ.

Он своими глазами видел, как Хань Ин выбежал из лаборатории, а перепуганная Сюй Танхуэй бросилась за ним вдогонку. Администратор не знала парня в лицо, но Чжан Чжаохэ узнал его мгновенно.

За годы работы в Университете А Чжан Чжаохэ досконально изучил все связи и подноготную нужных людей. Он не знал, когда представится случай отомстить или как высоко он сможет подняться, но он готовился, никогда не оставляя попыток.

Увидев Хань Ина в ту ночь, Чжан Чжаохэ понял: его час настал.

Он не стал выдавать парня. Вместо этого он первым делом пробрался в пункт охраны, изъясил записи с камер и сохранил их у себя. Увидев на пленке молодых людей в коридоре, Чжан Чжаохэ без труда догадался, что произошло.

Он понимал, что Сюй Танхуэй не догонит юношу, а сам Хань Ин, совершив подобное, ни за что не признается отцу.

Воспользовавшись этим временным затишьем, Чжан Чжаохэ первым нашел Хань Ина и

предложил ему способ избежать наказания, не запятнав при этом честь семьи.

Этим способом, разумеется, было обвинение Сюй Танхуэй.

Хань Ин в тот момент окончательно потерял голову. Помощь в избавлении от позора была для него спасением, и он не стал раздумывать о последствиях. Он лишь знал одно: если Хань Цзян прознает о его интрижках в лаборатории, тот его просто прибьет.

К тому же эта администратор была невыносима — она преследовала его несколько километров.

Когда же до Хань Цзяна дошла правда, дело было уже сделано.

Сына вывели из-под удара, Цзян Чжэн также была приструнена Чжан Чжаохэ, шумиха улеглась, а Сюй Танхуэй была наказана. Он не мог заново ворошить это гнездо, подставляя собственного ребенка под удар.

Он знал историю первого начальника «Призрачного глаза», которой все так восхищались, но когда дело коснулось его собственной плоти и крови, он не смог принести сына в жертву справедливости.

Каким-то зловещим образом он поддался на уговоры Чжан Чжаохэ.

А одна ошибка, как известно, порождает цепочку новых. Хань Цзяну пришлось следовать за сообщником всё глубже во тьму.

В то время он всё еще считал Чжан Чжаохэ мелким интриганом, обычным лектором, который ищет его покровительства. Лишь когда он осознал, что его используют, было уже слишком поздно.

И дело было не в глупости начальника — он просто не мог постичь истинную цель Чжан Чжаохэ.

Тот искусно балансировал на грани: заставлял Хань Цзяна использовать служебное положение в своих интересах, но никогда не переступал черту, за которой терпение могло лопнуть.

Эта позиционная война длилась четырнадцать лет, пока Чжан Чжаохэ, ослепленный ненавистью к Ли Жуну, не потребовал нанести удар в самый неподходящий момент. Только тогда Хань Цзян решился разорвать их порочную связь.

Он действительно был втянут в этот водоворот против воли, но позволил он этому случиться лишь из-за собственной корысти и надежды на авось.

Хань Цзян не был невиновен.

Слова Цэнь Сяо о том, что он был инструментом Чжан Чжаохэ, попали в самую цель, ударив по больному самолюбию. Вероятно, это станет величайшим позором всей его жизни.

Лицо бывшего начальника исказилось от злости, в голосе прозвучал яд:

— Как иронично! Два поколения начальников «Призрачного глаза» оказались марионетками Группы «Высокая башня»!

Цэнь Сяо безразлично пожал плечами:

— Мне плевать, кем ты был для Чжан Чжаохэ. Но я действительно готов быть инструментом для Ли Жуна.

— Ты приложил столько усилий, чтобы захватить эту должность! Неужели только ради того, чтобы превратить отряд в карманную организацию Группы? — в ярости воскликнул Хань Цзян.
— Тогда ты недостойн этого места! Ты погубишь «Призрачный глаз»!

— Мое соответствие должности больше не касается бывшего начальника, — холодно отрезал Цэнь Сяо.

Хань Цзян злорадно усмехнулся, его голос задрожал от возбуждения:

— Вы глупы до невозможности. Истратили такой козырь, который берегли столько лет, только чтобы сместить меня. Но я ведь давал вам подсказку: настоящий враг семьи Ли — Чжан Чжаохэ!

После вспышки гнева он внезапно успокоился. Глубоко вдохнув, он заговорил с пугающей улыбкой на лице:

— Вы, наверное, и не догадываетесь... Но Ли Цинли и Гу Нун довел до смерти именно Чжан Чжаохэ. В тот день он пришел к ним и соткал паутину из лжи. Он методично уничтожил каждую их надежду, каждую опору, вынудив их покончить с собой — ради Ли Жуна, ради Группы, ради того, чтобы успокоить разъяренную толпу! Как жаль... Они так верили ему. Им и в голову не пришло, что Чжан Чжаохэ изначально желал их смерти!

Цэнь Сяо нахмурился, в его взгляде читалось неприкрытое отвращение, но он был вынужден слушать дальше.

Заметив, как изменилось лицо преемника, Хань Цзян наконец почувствовал вкус триумфа:

— Ли Цинли и Гу Нун были слишком мягкими людьми. Они превратили «Высокую башню» в выводок кроликов. Чжан Чжаохэ давно хотел занять их место, но ему не хватало случая. Заговор биотехнологической компании «Сухэ» стал для него даром небес. Он просто поймал волну: манипулировал мной, создавая то самое последнее перышко, что переломило хребет семье Ли.

И всё сработало. Ли Цинли и Гу Нун погибли, а он прибрал Группу к рукам, превратив Чжу Яня в пустую формальность. Цэнь Сяо, ты бился со мной не на жизнь, а на смерть, а в итоге в выигрыше осталась эта крыса Чжан Чжаохэ. Стоило ли оно того? Теперь, когда новость о моем смещении будет засекречена ради спасения репутации отряда, у тебя не останется козырей. Как ты собираешься мстить ему теперь?

Смех Хань Цзяна был лишен искренности, мышцы на его лице подергивались в нервном тике. Ему доставляло удовольствие видеть замешательство врага, но осознание собственного краха превращало этот триумф в горькую пародию.

Он выпрямил спину и добавил с издевкой:

— Цэнь Сяо, я скажу тебе по доброте душевной. Теперь, став начальником, ты связан по рукам и ногам. Ради престижа Девятого района, ради авторитета отряда, ради стабильности Объединённой торговой палаты «Ланьшу» ты никогда не сможешь предать огласке правду прошлого. Тебе даже придется продолжать лить грязь на Сюй Танхуэй, потому что её жертва — ничто по сравнению с репутацией системы.

И о деле «Люйиньской» двухлетней давности забудь. Ты не сможешь призвать виновных к ответу, потому что их слишком много. Ты не пойдешь против всех. Вина ляжет только на «Сухэ», хотя ты прекрасно знаешь, что убийц было куда больше. Чем сильнее ты жаждешь мести, тем меньше у тебя возможностей. Ты и Ли Жун — вам останется лишь до конца дней глотать обиду.

Таков груз ответственности начальника «Призрачного глаза», Цэнь Сяо. Желаете носить корону — умеете терпеть её тяжесть!

Хань Цзян излил весь яд, что копился в его душе. Он осознавал, насколько жалко и низостно он сейчас выглядит, радуясь чужому горю, но в этом падении он обрел какое-то извращенное, примитивное удовольствие.

Это было похоже на действие смертельного наркотика: он знал, что гниет заживо, но готов был утонуть в этом кратком миге мнимого превосходства.

Он был на грани безумия, но Цэнь Сяо оставался пугающе спокоен. Казалось, между ними пролегла невидимая граница: с одной стороны бурлила раскаленная лава, с другой — царил вечный холод ледника.

— Ответственность? — Цэнь Сяо усмехнулся так, что у Хань Цзяна похолодело внутри. Он скучаяще опустил веки и провел пальцем по гладкой поверхности стеклянной двери кабинета.
— У меня есть обязательства только перед одним человеком.

Сухая кожа скользнула по стеклу без звука, но в воздухе что-то явственно надломилось. Плотное облако закрыло солнце, и яркий свет в комнате сменился зловещими сумерками. Тени поползли по стенам.

Хань Цзян внезапно почувствовал неладное.

Репутация, авторитет, статус, стабильность — всё то, чем он дорожил превыше жизни...
Неужели Цэнь Сяо на это плевать?

Что, если этот парень — безумец, готовый разнести в щепки и «Призрачный глаз», и «Ланьшу», и исследовательский институт «Хунсо» только ради того, чтобы вытащить на свет грязь четырнадцатилетней давности?

Хань Цзян невольно вздрогнул. Способен ли Цэнь Сяо на такое? Он не знал.

Он никогда по-настоящему не понимал своего противника, и именно эта самоуверенность дала врагу шанс. Годы благополучия заставили его забыть, что в Девятом районе борьба никогда не прекращается.

Дни сменяются ночами, звезды гаснут и зажигаются вновь. Даже самый идеальный план и самая несокрушимая власть рано или поздно рухнут. Отсутствие трепета перед справедливостью — это первый шаг к пропасти.

А ведь в самом начале ему нужно было всего лишь возместить стоимость сломанного прибора и как следует наказать собственного сына.

Цэнь Сяо взглянул на часы.

— Двенадцать, — бесстрастно произнес он.

Время вышло. Хань Цзян больше не имел права здесь находиться. Каждая лишняя секунда его пребывания в этом здании была оскорблением для нового начальника.

Взгляд Хань Цзяна окончательно потух, подернувшись пеплом отчаяния.

Он подхватил сумку и вышел из кабинета, не оглядываясь. Цэнь Сяо смотрел ему в спину, пока тот не исчез в коридоре.

У лифтов уже дежурили рабочие. Им не терпелось поскорее вынести вещи бывшего начальника, чтобы подготовить кабинет для молодого и перспективного преемника.

У Цэнь Сяо не было времени ждать окончания уборки — его ждало общее собрание отряда. Ничего особенного: обычная демонстрация силы, чтобы те, кто еще сомневался в его праве на власть, поскорее осознали новую реальность.

Этот сценарий был ему знаком. В прошлой жизни он проделал нечто подобное, когда забирал у отца пост главы Третьего района.

Цэнь Сяо не знал наверняка, о чем думают остальные, но в одном был уверен: Ду Минли так просто не смирится.

Когда Ду Минли понял, что проигрывает Цэнь Сяо в открытой борьбе, он решил действовать хитростью. Он даже пошел на временный союз, надеясь укрепить свои позиции. Теперь, когда результаты были достигнуты, а почва под ногами казалась твердой, он никак не ожидал падения Хань Цзяна.

С назначением Цэнь Сяо все его труды пошли прахом.

Получив уведомление, капитан Ду едва не швырнул заявление об уходе, но, просидев в тишине кабинета добрых полчаса, сумел взять себя в руки. Он не знал, какой компромат Цэнь Сяо нарыл на бывшего шефа, но удача — дама капризная. Рано или поздно и Цэнь Сяо может оступиться.

Он дождался конца собрания. Подойдя к Цэнь Сяо, он нацепил на лицо многозначительную улыбку:

— Мои поздравления, начальник Цэнь.

— Благодарю, — отозвался тот с вежливой, но пустой ухмылкой. — Надеюсь на вашу плодотворную работу, капитан Ду.

Ду Минли кивнул, его улыбка стала шире. Он крепко прижал папку с записями к боку:

— Разумеется. Но и вы, начальник Цэнь, будьте осторожны. Я буду пристально следить за работой руководства. Надеюсь, ошибки Хань Цзяна не повторятся в вашей практике.

Цэнь Сяо скользнул взглядом по его лицу, даже не удостоив ответом. Он просто прошел мимо, направляясь к выходу.

У дверей его догнал услужливый помощник, перехватывая бумаги:

— Начальник Цэнь, желаете осмотреть ваш новый кабинет?

— Нет, — бросил Цэнь Сяо. — Я домой.

— Сию минуту, я вызову машину, подождите секунду!

Цэнь Сяо нахмурился и слегка отстранился:

— Я не Хань Цзян, я не собираюсь играть в диктатора и никого увольнять не планирую. Если мне что-то понадобится — я позову. Не нужно ходить за мной хвостом.

Помощник облегченно выдохнул и расплылся в улыбке:

— Понял, понял. Доброго пути, начальник Цэнь.

Ду Минли, стоявший неподалеку, слышал каждое слово. Каждое «начальник Цэнь» отдавалось в его груди тупой болью. Он невольно задался вопросом: не совершил ли он ошибку, бросив прежнюю работу ради Девятого района? За весь этот год у него не было ни минуты покоя, а все его достижения в итоге послужили лишь трамплином для другого.

«Если бы только Цэнь Сяо не существовало...»

Без него это кресло почти наверняка досталось бы ему.

Падение Хань Цзяна и крах Чжан Чжаохэ дали Ли Жуну долгожданную свободу. Ему больше не нужно было таиться и сдерживать себя, как в прошлые месяцы.

Когда Цэнь Сяо вернулся домой, Ли Жун как раз выходил из ванной. С его мокрых волос капала вода, а в руках он держал чашку свежесваренного кофе.

Заметив Цэнь Сяо, Ли Жун отставил ложечку и подошел ближе, окутав его ароматом шампуня и влажным теплом. Чуть прищурив свои «персиковые» глаза, он с иронией протянул:

— Ну и какво это — быть начальником Цэнь?

Цэнь Сяо коснулся его волос, ощутив пальцами влагу:

— Опять не высушил голову.

При виде Ли Жуна слова Хань Цзяна снова всплыли в памяти, на душе стало тяжело. Юноше не понравилась эта внезапная серьезность. Его прохладные пальцы скользнули под воротник рубашки Цэнь Сяо, мягко массируя кубики пресса.

— Стал большим начальником и сразу заговорил как мой наставник. Столько пафоса в голосе.

Цэнь Сяо перехватил его руку, притянул Ли Жуна к себе за талию и негромко рассмеялся:

— А разве я не старше тебя?

Тот подался вперед и чувствительно прикусил его нижнюю губу. Отстранившись, он внимательно всмотрелся в лицо Цэнь Сяо. Он слишком хорошо его знал, а потому сразу понял — тот чем-то расстроен, и его шутки лишь прикрытие.

— О чем тебе наплел Хань Цзян? — спросил Ли Жун.

Это был не вопрос, а констатация факта. Он был слишком умен, чтобы Цэнь Сяо мог что-то от него утаить. Если он чего-то и не знал, то лишь потому, что сам позволял Цэнь Сяо хранить секреты.

Цэнь Сяо не стал ничего скрывать и пересказал разговор с бывшим начальником от начала до конца.

Ли Жун держался стойко. Он даже смог спокойно дойти до стола и продолжить размешивать свой черный кофе, в который бухнул добрую горсть сахара. Лицо его оставалось бесстрастным, лишь мокрые пряди липли к щекам, а губы были плотно сжаты. Ложечка ритмично позвякивала о край чашки, заставляя темно-коричневую жидкость вращаться, рождая в центре воронки мелкие пузырьки. Пар над чашкой поднимался вверх, застилая взор влажной пеленой.

Когда рассказ был окончен, сахар в кофе окончательно растворился.

Ли Жун потянулся за чашкой, но внезапно осознал, что его руки дрожат. Дрожат так сильно, что воронка в кофе пошла неровными волнами, и он не мог сделать даже глотка, не расплескав напиток.

Он догадывался... Он знал, что правда не будет красивой. Но когда он воочию услышал, что трагедия всей его жизни была лишь результатом чьей-то мелкой корысти, гнев и ненависть захлестнули его с новой силой.

Цэнь Сяо подошел сзади, накрыл его ладонь своей и помог удерживать чашку.

— Тише, малыш... Не дрожи. Победителям не пристало тратить эмоции на загнанную крысу.

Он осторожно поднес чашку к губам Ли Жуна. Юноша опустил веки и сделал осторожный глоток. Горечь кофе смешалась с приторной сладостью сахара — два экстремальных вкуса столкнулись на языке. Горячая жидкость обожгла горло и пролилась в желудок, принося долгожданное успокоение.

Он глубоко вздохнул, поставил чашку и всем весом откинулся на грудь Цэнь Сяо. Его взгляд, темный и глубокий, застыл на люстре под потолком.

— Раз так... я сам выберу для него способ подохнуть, — прошептал он.

Цэнь Сяо коснулся губами его уха, запечатлев легкий поцелуй на мочке.

— Делай всё, что сочтешь нужным, — нежно ответил он.

Перед началом второй фазы испытаний Люйиньсюй Группа «Высокая башня» созвала второе внутреннее совещание. Состав участников остался прежним — те же тридцать с лишним заслуженных профессоров, однако атмосфера в зале неуловимо изменилась.

Чжан Чжаохэ, как глава Группы, должен был председательствовать, но на этот раз инициатором встречи выступил не он. Это был Цзян Вэйдэ. С лица Чжан Чжаохэ исчезла былая безмятежная улыбка. С тех пор как Хань Цзян пал, он пытался навести справки, но Девятый район превратился в неприступную крепость, не выпуская ни капли информации наружу.

Он не знал, на чем именно погорел Хань Цзян и насколько этот компромат может задеть его самого. Он был в тревоге, граничащей с паникой, и это состояние стало для него привычным в последние дни. И вот теперь он, официальный лидер Группы, получает уведомление от Цзян Вэйдэ о созыве собрания — якобы для поощрения Ли Жуна и пожелания успеха второй фазе испытаний.

По сути, это была церемония чествования Ли Жуна, где тот становился центральной фигурой. Чжан Чжаохэ не хотел идти, но отказ выглядел бы слишком подозрительно — ведь повод был более чем благородный.

За последнее время он еще сильнее осунулся. Его костлявая фигура едва заполняла френч, а трость тяжело ударяла о мраморный пол, словно ему и впрямь требовалась вся её поддержка, чтобы просто стоять на ногах. Его скулы обтянулись кожей, придавая лицу болезненный и злой вид, а глаза стали настороженными и сверхчувствительными — казалось, малейший шорох заставляет его вздрагивать.

Войдя в зал, Чжан Чжаохэ первым же делом увидел Ли Жуна, сидящего по правую руку от

Цзян Вэйдэ. Цзян Вэйдэ теперь исполнял обязанности директора института, и все понимали: официальное назначение — лишь вопрос времени. Поэтому его место в центре стола было неоспоримым.

А Ли Жун, сидящий рядом, неизбежно становился фокусом всеобщего внимания. Тот обвел присутствующих взглядом и выдавил из себя кривую усмешку:

— Какое редкое единодушие сегодня. Все в сборе.

Он по привычке потянулся к карману за авторучкой, но пальцы нащупали лишь пустоту. Он вспомнил, что сам раздавил её тогда. Эта привычка, выработанная десятилетиями, теперь выглядела нелепо.

Ли Жун улыбнулся — мягко и совершенно безобидно:

— Учитель пришел? Проходите, присаживайтесь.

Он заговорил первым, не дожидаясь слова от Цзян Вэйдэ, и тот лишь молча смотрел вперед, не выказав ни капли недовольства. Профессора переглянулись. То, что Ли Жун так непринужденно перехватил инициативу у официального главы Группы, выглядело странно, но никто не решился возразить.

Чжан Чжаохэ под пристальным взглядом юноши медленно опустился на стул. Он не знал, какую игру ведет юноша, но догадывался, что за крахом Хань Цзяна стоит именно он. Они были одной крови — Ли Жун обладал той же мстительностью, что и он сам, и не оставил бы врагов безнаказанными. Хань Цзян когда-то бросил семью Ли в беде, и сын профессора Ли не мог этого простить.

Но как же быстро и чисто всё было исполнено... Казалось, Девятый район изменился за одну ночь.

Профессор Чжан прочистил горло и заговорил:

— Благодарю всех, кто нашел время прийти. С нашей последней встречи многое изменилось. В Группе произошло немало событий, но самое важное — блестящий успех первой фазы испытаний Люйиньской. Это исполнение заветной мечты брата Ли...

Собрание шло своим чередом — предсказуемо и скучно. Пустые речи, которые все слышали уже сотни раз. После победы над «Сухэ» чувство опасности улетучилось, и профессора больше не вздрагивали от каждой новости. Речь Чжан Чжаохэ была наполнена абстрактными фразами, пока инициативу не перехватил Цзян Вэйдэ. Он заговорил о затяжном конфликте между исследовательским институтом «Хунсо» и Группой.

— В институте накопилось много проблем, — произнес Цзян Вэйдэ, — но я верю, что скоро мы вернемся в нормальное русло. «Хунсо» — огромный механизм, и чтобы развернуть его, нужно время. Прошу всех набраться терпения.

Эти слова были сигналом для всех: исполняющий обязанности директора больше не желал конфронтации. С его точки зрения, как будущего руководителя «Хунсо», это было логично.

Чжан Чжаохэ не мог с этим согласиться:

— «Хунсо» — это старое дерево с глубокими корнями. Болезни, копившиеся годами, не лечатся так просто. Наша задача в Группе — стоять на страже своих прав и не витать в облаках.

Цзян Вэйдэ промолчал: он понимал, что перемены не случатся в одночасье, и не нашел, что возразить на эти слова. Атмосфера в зале мгновенно накалилась. Все физически ощутили столкновение интересов двух лидеров. Когда Цзян Вэйдэ станет директором, Группу неизбежно ждет встряска, но никто не знал, чем она закончится.

В этом застывшем напряжении лишь Ли Жун казался абсолютно спокойным. Он расслабленно откинулся на спинку вращающегося кресла, вертя в пальцах ручку. Его взгляд был прикован к горшку с нарциссами на подоконнике. Цветы были в самом цвету: белые лепестки вокруг нежно-желтой сердцевины радовали глаз своей свежестью.

— А почему в зале стоят нарциссы? — внезапно спросил юноша, улыбнувшись.

Профессора вздрогнули, словно их вырвали из глубокого транса. В комнате пахло порохом, а Ли Жун вел себя так, будто ничего не замечает. Чан Ли уже открыла рот, чтобы пояснить:

— Потому что Чжан...

Она хотела сказать, что Чжан Чжаохэ очень любит нарциссы, и потому их ставят во всех залах, где собирается Группа. Она не помнила, когда зародилась эта традиция, но знала наверняка: её ввели те, кто хотел выслужиться перед лидером. Все к этому привыкли и не придавали значения.

Но Ли Жун не стал слушать. Он встал и не спеша подошел к окну.

— Цветы не слишком красивые, — заметил он, — да и сок их часто вызывает аллергию. Никакой пользы. По-моему, лучше заменить их на незабудки. Они такие изящные, и взгляд на них успокаивает. К тому же я знаю одного чудесного кота с таким же именем.

Чжан Чжаохэ прищурился, не сводя глаз со спины юноши. Это были его любимые цветы. Они стояли здесь как символ его власти, его незримого присутствия.

Ли Жун лениво протянул руку, коснулся лепестка и слегка принюхался. Нахмурившись, он покачал головой:

— И пахнут они посредственно. Потрогал — и пальцы зачесались. А вот у незабудок прекрасный смысл. Уверен, мои родители тоже не хотели бы, чтобы члены Группы о них забывали. Вы так не считаете, учителя?

На самом деле нарциссы благоухали очень сильно, куда ярче незабудок. Слова юноши были явной натяжкой. Но стоило ему упомянуть родителей, как возражать никто не посмел.

Цзян Вэйдэ кашлянул:

— Белые цветы и впрямь выглядят бледновато. Незабудки поярче будут. Дело житейское, хочешь заменить — распорядись, пусть поменяют.

Ли Жун невинно улыбнулся и обвел взглядом остальных профессоров, которые хранили молчание. Чан Ли, поймав его взгляд, тут же подхватила:

— А что такого? Всего лишь цветы. Я не против.

— Моя жена обожает незабудки, — вставил Ли Юнши, — отличная идея.

— У молодых свой взгляд на вещи, — добавил Янь Ючжун, — нам нужно прислушиваться к ним, идти в ногу со временем.

Стоило этим троим высказаться, как ситуация в зале прояснилась. Те тайные ожидания, что зрели в душах профессоров, наконец начали прорываться наружу. Ли Жун стоял у окна, небрежно касаясь цветов. На его лице играла спокойная улыбка, но в глазах читалась уверенность, не свойственная его годам. На фоне его сияющей юности пышные нарциссы внезапно показались блеклыми и утратившими всякую прелесть.

— Да, почему бы и нет. Я только «за».

— Согласен, пора освежить обстановку. Глаза уже намозолили эти горшки.

— А как они выглядят, эти незабудки? Красивые?

— О, это по моей части! — оживился кто-то. — Отряд трубкоцветных, семейство бурачниковых. Маленькие синие цветочки. Обычно любят щелочную почву...

— И как, капризные они? Я вот тоже думаю пару горшков завести.

— Для нас, ботаников — пара пустяков! А вот как у тебя, строителя, они приживутся — это вопрос.

— Эй, не надо меня недооценивать! Я в деревне вырос, любые овощи выращу. Что мне цветы?

— Ну-ну, вот поменяем — и проверим, какой из тебя садовод!

В зале воцарилась оживленная атмосфера. Все наперебой обсуждали садоводство и смену цветов. Но каждый понимал: речь идет не о растениях. Они говорили о человеке, который стоял за этими цветами, и их энтузиазм предназначался вовсе не лепесткам. Они вели пустую беседу, но при этом прояснили всё до последнего нюанса.

Все знали, что нарциссы — любимые цветы Чжан Чжаохэ. Но ни один голос не поднялся в защиту его предпочтений. И дело было не в том, что у него не осталось сторонников — просто они перестали быть большинством. С того момента, как Цзян Вэйдэ поддержал Ли Жуня, негласный выбор был сделан.

Они думали, что этот день настанет позже, но перемены обрушились на них внезапно. В суматохе момента они просто выбрали сторону, за которой было большинство.

Профессор Чжан видел это слишком ясно. Он чувствовал, как его власть утекает сквозь пальцы, подобно песку в перевернутых часах, и этот процесс был необратим. Кожа на его лице натянулась, проявив странную сеть морщин. Пальцы, сжимавшие трость, побелели, а ногти так сильно впились в дерево, что едва не вывернулись.

Он смотрел на эти притворно-радостные лица, слушал их фальшиво-восторженный щебет о цветах и чувствовал, как невидимое лезвие заживо сдирает с него кожу. Они были так лицемерны и так чутки к переменам... Стоило ветру сменить направление, как они без колебаний бросились к новому господину, торопясь засвидетельствовать свою преданность.

«Ли Жун... Ли Жун!»

Ярость застилала взор Чжан Чжаохэ. Он не мог постичь, как проиграл мальчишке. Власть, которую он выстраивал десятилетиями, рассыпалась в прах за считанные мгновения. Его распирало от злобы, но он был бессилён.

Ли Жун небрежно стряхнул с пальцев пыльцу и бросил взгляд на него. В этом взгляде была холодная гордость победителя и неприкрытая насмешка наследника семьи Ли. Но это выражение промелькнуло лишь на миг. Победитель спокойно произнес:

— Время позднее, у всех дела. Думаю, на сегодня закончим.

Собрание открыл Чжан Чжаохэ своим приветствием, а закрыл Ли Жун своим прощанием. Это было больше, чем просто слова — это был знак. Итог долгой борьбы. Группа «Высокая башня» наконец возвращалась к своим истокам и на вершину Горы Та, сбрасывая с себя морок интриг. Она становилась такой, какой её когда-то видел Ли Цинли.

Когда все разошлись, в просторном зале остались только двое — Чжан Чжаохэ и Ли Жун. Небо за окном потемнело, последние отблески заката погасли, и воздух в комнате стал зябким.

Профессор Чжан наконец сорвал маску приличия. Его глаза выпучились, на губах заиграла зловещая ухмылка:

— Ли Жун... Хорошо, очень хорошо! Никогда бы не подумал, что под личиной ягненка скрывается такой дикий волк!

Ли Жун, не переставая улыбаться, пододвинул к себе чашку собеседника. Он лениво поднял руку и заглянул внутрь — чай в чашке потемнел и окончательно остыл.

— Я многому научился у вас, учитель, — непринужденно заговорил юноша. — Этот опыт был крайне полезен. Вот, послушайте. Представьте: я держу в руках чашку чая, но утверждаю, что это какао-молоко. И если все вокруг соглашаются со мной — значит, это и есть какао-молоко. Это и называется властью. Вы так мастерски проделывали это с Чжу Янем... Надеюсь, мой сегодняшний урок показал, что я оказался способным учеником?

Чжан Чжаохэ затрясло. Его губы посинели, зубы скрипнули так громко, что звук разнесся по тихой комнате. На тыльной стороне его ладоней вздулись уродливые синие вены, похожие на паутину.

— Ли Жун!

«Ли Жун... Ли Жун!»

Когда-то он лишил Чжу Яня власти в институте «Хунсо», превратив его в беспомощную марионетку ради своей мести. Теперь Ли Жун разыграл тот же сценарий перед его глазами, заставив его беспомощно наблюдать, как он теряет свою Группу.

Профессор Чжан всегда считал свои амбиции пределом коварства, но лишь увидев истинное лицо Ли Жуна, он осознал, какой бездонной может быть человеческая хитрость. Юноша вонзил отравленную стрелу точно ему в сердце. Он истекал кровью, израненный и сломленный, а его учитель лишь безмятежно улыбался ему сквозь кровавый туман.

У него было лицо прекрасного ангела, но сердце — холодное и беспощадное, как сталь. В его

плане мести имя Чжан Чжаохэ никогда не стояло в конце списка. Он просто ждал момента для самого сокрушительного удара.

<http://bllate.org/book/15351/1575212>